

- интеграционную, т.к. на ее основе происходит объединение граждан, формируются их институты, например, союз промышленников и предпринимателей, мелкого и среднего бизнеса;
- мобилизующую, которая выражается в организации практических действий на основе тех или иных экономических программ, в отборе и накоплении эталонов и образцов соответствующего экономического поведения и т.д.

В качестве экономической идеологии может функционировать как научно-теоретическая, так и квази-теоретическая система, которая строится по принципу координации категорий. Таким строением обладает политэкономия, экономическая теория с ее методами сущностного, функционального, исторического анализов.

Массовое экономическое сознание субъектов товарного производства находит свое выражение в экономической психологии [6, с. 12] и в общественном мнении, в которых отражаются отношения различных социальных групп к экономическим реформам, экономике в целом, а также суждения о состоянии экономики, направленности и результативности реформ.

Основная проблема экономического сознания сегодня в Украине – это отсутствие массовой базы, медленное формирование среднего класса, класса мелких и средних предпринимателей, способных объединить общество вокруг идей рыночных преобразований.

6. Содержание и строение экономической формы общественного сознания обуславливается конкретно-историческим характером экономических отношений, а содержание экономического сознания определяет направление экономических преобразований. Объективный характер экономических отношений определяет их первичность в отношении к экономическому сознанию, определяет его содержание, структуру и функции.

Реализация любого экономического отношения связана с функционированием экономического сознания.

Экономическая форма общественного сознания связана с другими формами. Политическое, правовое сознание, мораль, искусство в быденном сознании подчинены достижению экономического успеха, богатства. Экономическая идеология также оказывает воздействие на идеологические уровни других форм, и прежде всего – на политическую идеологию с целью формирования экономической политики, а также на правовую идеологию, в которой выражаются идеи экономических законов, реформирования экономики. Отражение товарно-денежных отношений субъекты деятельности преобразуют в программу экономической деятельности в соответствии с целью, которая задается субъекту с учетом его места и положения в системе объективных экономических отношений.

Таким образом, введение в философско-социологическую литературу категории «экономическая форма общественного сознания» вполне обосновано, категориально оформляет экономические отношения как объективную основу любого общества.

Дальнейшая разработка этой идеи должна иметь практическое воплощение в определении путей и средств формирования экономического сознания в условиях рыночных реформ.

Источники и литература

1. Амосова В., Гукасян Г., Маховикова Г. Экономическая теория. – Спб: Питер, 2001. – С. 19, 20.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 23. – С. 142.
3. Смелзер Мейл. Социология. – М., Феникс, 1994. – С. 514–518.
4. Кальной И.И. Философия. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2002. – С. 218.
5. Социология: наука об обществе. Под ред. Андрищенко В.П. – Харьков, 1997. – С. 390 – 414.
6. Макарец О.В., Мединская Т.В. Проблемы моделирования функционирования украинской экономики. // Научный вестник Украины, издательство государственного лесотехн. университета. – 2002, вып. 12.6.
7. Рагожин П.С., Гайко А.Ф. Економіка будівельних організацій. – К., 2001.
8. Симкина Л.Г. Общая экономическая теория. – Спб: Питер, 2002.

Васильева О.А.

ОСОБЕННОСТИ РАННЕГО ПСИХОЛОГИЗМА А.ГРИНА

Постановка проблемы. В литературной науке о Грине, при всей ее многоаспектности, фактически, отсутствует раздел, связанный с изучением своеобразия его психологизма. «Грин – поэт напряженной жизни», – дальше этого тезиса Л. Войтоловского в начале XX века критика не пошла [8, с. 187].

В 30-е годы рецензенту Ц. Волье помешало проникнуть в существо психологизма писателя увлечение «чужеземным» происхождением Грина. Он нашел, что гриновский психологизм «относится к последней разновидности авантюрной американской литературы и кинематографии» [2, с. 14]. От такого неаргументированного утверждения представление о психологизме Грина нисколько не прояснилось.

В 60-е годы (в 40-е – 50-е Грин замалчивался или подвергался остракизму) В. Самойлова указывает на то, что Грину «необходимо был тонкий психологический анализ» [7, с. 105], но не раскрывает скобок, не пытается осознать самой специфики этого психологизма. И только В. Ковский в своей монографии «Романтический мир Александра Грина» (1969) пытается впервые осмыслить особенности психологизма Грина. К сожалению, исследователь останавливается на данной проблеме крайне бегло [5, с. 154–157] и в самых общих чертах. Далее того, что психологизм Грина – это «кружевная работа «микросостояний» ге-

роя» [5, с. 157] автор не идет. При этом данное положение, не лишенное научной привлекательности, распространяется на всю прозу Грина без учета эволюции его творчества и деления на опыт реалистического и романтического письма.

Л. Михайлова в монографии «Александр Грин: Жизнь, личность, творчество» (1972), обходя проблему психологизма как таковую, ограничивается кратким утверждением: «У Грина методом объяснения, воссоздания и поэтизации жизни стала психологическая фантастика» [6, с. 16]. Мысль интересная, но так и не нашедшая в работе никакого развития. В выступлениях других современных авторов эта проблема и вовсе не затрагивается.

Таким образом, психологизм Грина как важнейший аспект его романтизма все еще остается не осмысленным нынешним гриноведением. Наука о писателе не стоит на месте. Она движется, осваиваются новые аспекты поэтики его прозы (художественное время и художественное пространство, символика и т.д.). Пришло время серьезно решать и проблемы гриновского психологизма.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить некоторые особенности раннего психологизма Грина.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач: осмыслить своеобразие психологизма в новеллах военного цикла; выявить причины внимания писателя и особенности освоения им мира неординарных чувствований человека; обосновать «психический феномен» у Грина как форму неприятия бесчеловечности; проанализировать специфику раздвоения души гриновского романтического героя; обозначить особенности изображения войны в условном мире писателя.

Предметом исследования является новеллистика Грина 1914–1917 годов.

После новеллы “Зурбаганский стрелок” (1913) Грин создает большое романтическое полотно, исполненное значительных философских раздумий над судьбами творческой личности, “Возвращенный ад” (1915). И затем вплоть до 1920 года он не напишет новелл сравнительно крупных размеров. Это объясняется рядом причин и, в первую очередь, той общественно-политической обстановкой, которая сложилась в стране в 1914–1917 годах. Писателя потрясла война. На продолжительное время военные мотивы овладевают его творческим вниманием. Из-под пера Грина выходит большой цикл произведений, так или иначе связанных с темой войны. Это, в основном, короткая, лаконичная, предельно выраженная новелла, романтический колорит которой характерен значительной “просветленностью”, позволяющей слегка распознать контуры реальных событий, лежащих в основе всех произведений данного ряда. Генезис их явно обнажен. Отличительным признаком этого потока творчества является усиливающееся художественное осмысление реальных событий сквозь призму романтического субъективизма.

Картины военного быта, разрушений с реалистической достоверностью воспроизведены в целой группе новелл военного цикла: “Баталист Шуан”, “Забытое”, “Ужасное зрение”, “Эпизод при взятии форта “Циклоп”, “Приказ по армии” и др. Война в “Гринландии” “так же ужасна и бесчеловечна, как и в любой реальной стране” [3, т.1, с.453]. Гриновские новеллы проникнуты гневом и ненавистью к варварству и жестокостям империалистической бойни, в которой совершенно бессмысленно гибнет человек, само призвание которого ЖИТЬ абсолютно несовместимо с происходящим.

Наряду с общим пафосом осуждения мировой войны в творчестве писателя этого периода обнаруживаются тенденции к активному исследованию более конкретных художественных задач. Военные мотивы предоставили возможность углубить свои наблюдения над беспредельностью мира человеческой души. Его волнует целый ряд так называемых “непостижимых” психологических состояний.

Новеллы, в которых решается данная проблема, можно назвать психологическими этюдами. Правда, психологический анализ здесь нередко носил “самовитый” характер. Молодому писателю хотелось как можно глубже постигнуть человеческую душу со всеми ее сложностями, тайнами и загадками. Грин в ту пору, по воспоминаниям современников, особенно настойчиво интересовался литературой по психологии человека, в частности, той ее областью, которую мы именуем сегодня парапсихологией. Не станем говорить о степени научности такой литературы в те времена, отметим лишь то, что Грин во многом хотел разобраться сам, и, как это становится очевидным сегодня, постигал многие явления, связанные с особыми процессами психики, на уровне современных научных представлений о них. Надо отметить, что писатель еще не до конца осознавал свою тягу к постижению мира неординарных чувствований человека, более того он еще не умел извлекать из своих открытий и наблюдений направленный эстетический эффект. Естественно, что психологические новеллы носили художественный характер, но сам психологизм не срабатывал в них на полную силу. Это придет позднее. А пока писатель не только в жизни, но и в творчестве постигал саму симфонию человеческих ощущений и состояний, погружался в тайное тайных, нередко вторгаясь в подсознательное. На это уходило немало творческой энергии.

Показательными для Грина новеллами первого периода, связанными с исследованиями сокровенных движений человеческой души, ее феноменами, являются “Загадка предвиденной смерти”, “Ночью и днем”, “Атака”, “Тайна лунной ночи” и другие.

В “Загадке предвиденной смерти” (1914) Грин описывает ощущения человека, приговоренного к смертной казни: ему должны отрубить голову. Неторопливо, шаг за шагом автор прослеживает переживания героя, “стоящего на границе безумия”. До мельчайших подробностей видит свою предстоящую смерть герой рассказа Эбергаиль. Автор акцентирует на “чудовищной впечатлительности” приговоренного к отсечению головы. Сотни раз он проиграл в своем воображении этот момент – момент удара топора по шее, сотни раз прочувствовал, как лезвие топора проникает через ткань и кости шеи, вплоть до того, что как бы наяву своими руками вынимал топор из-под затылка. Ни о чем другом думать он не мог: “Мысль о топоре и отделении посредством его головы от туловища стала за последнее время постоянным спутником Эбергайля”. Тщательное описание утонченных подробностей состояния героя говорит о неимоверном ужасе

пытающегося смириться, но в то же время бунтующего, восстающего против жестокой несправедливости, живого разума. Сознание того, что он не может бороться за свою жизнь, а должен пассивно ожидать неотвратимую смерть, приводит героя в полное смятение, состояние оцепенения, ставит его на грань безумия. Сознание Эбергайля подавлено страхом, который уничтожает в нем все человеческое, превращая в животное. Его мозг был в огне, как регистрирует ученый Коломб. “На рассвете спавший Эбергайль вскочил, дико крича, умоляя о пощаде, угрожая и плача” [3, т.2, с.447]. Теперь самое дорогое, что у него осталось – это “точное переживание удара по шее” [3, т.2, с.447]. И даже после того, как ему объявили, что казнь заменена каторгой, а совершение приговора – маскарад, его измученный мозг не смог пережить такого подарка судьбы. Весь процесс казни настолько был им продуман, настолько проник все его существо, настолько запечатлелся в его воспаленном, больном воображении, что лишь одна церемония казни и взмах топора привели к тому, что начал активно действовать механизм самовнушения смерти. “Страшная тоска остановила его хлопающее по ребрам сердце, и точное знание удара неудержимо озарило его. Он судорожно глотнул воздух, чувствуя, как, после пробежавшего по всему телу огненного вихря, шея его стремительно вытянулась и голова свесилась до помоста; затем умер.

Человек в перчатках, приподняв топор, услышал:

– Остановитесь, палач. Казнь отменяется” [3, т.2, с.449].

Известны случаи, когда приговоренные к смерти в подобных обстоятельствах действительно умирали от “разрыва” сердца. И писатель до этого момента не исказил правды, убедительно изобразив буквально “фейерверочное” состояние чувств своего героя, чувств, с которыми он не сумел сладить. Но далее Грин пошел по линии своего учителя Э. По и завершил чувственную эпопею Эбергайля в духе его литературной психологизации: голова героя сама отделилась от туловища и “громко стукнула о помост”. Здесь очевиден момент ученичества молодого писателя, дань определенной творческой традиции. Но мы не станем сейчас акцентировать на этом. У Грина будут еще повторяться подобные случаи, а зрелость его таланта станет впоследствии определяться и степенью преодоления взятого с чужого голоса. Но это потом. А сейчас важнее другое. Углубленное психологическое исследование сознания и мира ощущений осужденного на смерть человека – один из художественных приемов Грина, писателя – гуманиста, выступающего всегда против всякого насилия над человеком. Раскрывая страшные душевные мучения героя, показывая его психическое перенапряжение, Грин восстает против жестоких обстоятельств, подвергающих человека садистским экспериментам, призывает людей к человечности. Никто не имеет морального права лишать человека самого дорогого, что у него есть – жизни.

Гуманизм писателя носит в ранних психологических новеллах несколько отвлеченный характер. Но воинствующая позиция автора, его страстный протест против бесчеловечности, сообщали его гуманизму действенность. Читатель проникался настроениями писателя, воспринимал и разделял их.

Последовательным звеном в цепи исследования тайн человеческого сознания является новелла о страшной силе мании убийства, которое совершается человеком подсознательно, в состоянии сна, – “Ночью и днем” (1915). С большой убедительностью Грин объективирует психологическое состояние маньяка-убийцы. Но прежде, чем показать нам само состояние тяжело больного человека-зверя, Грин анализирует состояние часового, психически здорового человека, но находящегося в постоянном напряжении, ожидающего внезапного нападения некоего сверхсущества.

С недавних пор пост у лесного ручья стал местом необъяснимых происшествий. Эти необъяснимые, непонятные здравому разуму происшествия на фоне сказочно-пугающего пейзажа заставляли искать ответ в действии сверхъестественных, неподвластных человеку сил. На этом ужасном посту солдату “мерещились белые перерезанные шеи; трупы на дне ручья... Главное, над чем работало теперь его пылающее воображение – было пространство сзади его. Оно не могло исчезнуть. Как бы часто не поворачивался он, – всегда за его спиной оставалась недостижимая зрению, предательская пустота мрака” [3, т.3, с.279–280]. Его угнетает то, что силы зла не могут быть видимы, что они наносят, как правило, удар в спину. Чувство ужаса настолько велико, что бороться с ним нет никаких сил. Муру хочется упасть, умереть, забыться. Он потерял представление о времени и пространстве, не может понять бредит или спит. Чувство это усиливается с наступлением полного мрака. И только холодный свет луны несколько успокаивает воспаленное воображение панически испуганного человека.

Вскоре загадка была раскрыта. Преступления совершал одержимый манией убийства капитан Чербель, совершал в состоянии лунатического сна. А те действия и движения, которые человеку, не страдающему сомнамбулизмом, только снятся, лунатик совершает на самом деле. Ему снилось, что он вождь дикарей племени Роддо, которое вынуждено бороться с поработителями. Он с презрением и негодованием обращается к своим воображаемым врагам: “Вы жжете леса, как дети играя пожарами, воруете наш скот, траву, топчете посевы. Уходите или будете истреблены все...” [3, т.3, с.286]. Маньяк-убийца входит в капитана Чербеля по ночам. Судя по событиям, болезнь эта недавняя, но результаты ее чудовищны. С первыми лучами солнца болезнь покидает его, и он становится совершенно другим (и в прямом и в переносном смысле), вполне здоровым человеком. Чербель не верит, придя в себя, ни одному слову Рена, оскорбляется и угрожает едва ли не смертью. Описание Чербеля (и в состоянии сна и наяву) отличается у Грина особой убедительностью. Автор ограничивается только констатацией событий, исключает комментарии, и тем не менее, достигает острой напряженности повествования. Высокий драматизм вырастает на основе резкого контраста “двух душ” героя. Правда, этого ему не удалось осознать, что вместе с другими аксессуарами повествования (пейзажем, состоянием часового, поведением Рена) сообщает сюжету особого рода занимательность. Ее можно обозначить как романтическую.

И хотя в новеллах из военного цикла нет описания непосредственных столкновений с противником,

все же атмосфера постоянной готовности к убийству разрушительно действует на человека, искажает его природу, приводит к психическим феноменам. Как уже отмечалось, феномены привлекают писателя не только как форма неприятия бесчеловечности, но и как возможность глубже постигнуть потаенные глубины человеческой души. Путешествия в, так сказать, надсостояния души Грин будет совершать неоднократно. Так, например, в новелле “Кошмар” он до мельчайших подробностей исследует состояния человека, мучимого кошмарным сном: от завязки до кульминации и развязки. Прослеживаются все движения, сплетения и переплетения мыслей охваченного этим состоянием человека. В новелле “Безногий” Грин описывает ощущение безногого, смотрящего на себя как бы со стороны. Здесь же как и в “Тайне лунной ночи” писатель удачно решает иллюзию раздвоения личности.

Эстетике романтизма присуща категория двойственности. Специфическую проблему двоемирия в романтическом искусстве порождает противоречие между идеалом и действительностью, между духовной свободой, неотделимой от сущности человека, и фактической подавленностью человека в своекорыстной буржуазной реальности. Мир материален, и вместе с тем он одухотворен. Материальная сфера, где царит необходимость, является источником зла, уродства, несчастья. Духовная сфера, где господствует свобода, – источником добра и красоты. Между той и другой нет гармонии.

Представление о двойственности бытия выражалось в переплетении сказочно-фантастического и реально-бытового при изображении жизни. У Гофмана, Э. По, Тика два мира – реальный и фантастический – образуют мир единый, но раздвоенный, полный внутреннего разлада и неустойчивости.

Двоемирие отражается в раздвоении души, в разорванности сознания романтического героя. В нем как бы сосуществуют и соперничают две души: прозаическая, привязывающая его к земле, и поэтическая, уносящая в небесные выси. Наиболее острой формой художественного выражения романтического двоемирия были образы двойников. Раздвоение как художественное заострение доводится в этих образах до раздвоения в буквальном смысле. Оно становится болезненным симптомом. Ненормальная с точки зрения гуманистического идеала действительность раскрывается через ненормальное состояние героя. Он, раздвоенный, кажется самому себе одновременно и самим собой и чем-то другим, чуждым – противостоящим себе. Он видит себя как бы со стороны, оторгнутым от собственного существа. Поэтика Грина, складывающаяся на новом творческом направлении, а именно, романтическом, во многом испытывает на себе воздействие поэтики старого романтизма, романтизма начала XIX века, в частности, американского и западноевропейского. Но только воздействие. Принципы старой системы здесь со временем в корне преобразуются, обретут неузнаваемый вид, обновятся и обогатятся. Но это потом, и, в особенности, после 1920 года. А теперь Грин испытывает на себе их влияние, не уклоняется, но стремится использовать в своих творческих целях. Раздвоение героя пришло к нему, естественно, из прежнего поэтического арсенала. В особенности наглядно иллюзия раздвоения личности решена Грином в новелле “Тайна лунной ночи” (1915).

Николай Селиверстов, рядовой пехотного батальона, стоял на одиноком, очень ответственном посту. Скалистая площадка, на которой он устроился, до мельчайших подробностей врезалась в его мозг. Особенно ярко запечатлелся в памяти камень, отбрасывавший мечеобразную лунную тень. Когда из-за пропасти прозвучал смертельный выстрел, его поразило только одно – абсолютное отсутствие страха. Возбужденное сознание продолжало жить, медленно подчиняясь смерти, хотя тело, уже подкошенное, лежало подле камня на площадке. И вдруг, в какой-то миг отходящее сознание встрепенулось и как бы “отлетело” от солдата, пережило отчуждение и ясно нарисовало в его воображении, точно в зеркале увидело, фигуру, лежащую ничком у камня. Селиверстов узнал себя. Произошло необычное осознание своей смерти человеком, убитым наповал. Память с поразительной четкостью воскресила остро запечатлевшийся вид площадки, а сознание вписало в ее интерьер убитого человека. Предсмертная галлюцинация логически и психологически оправдана. Солдат как бы со стороны осмотрел свой труп и, наконец, понял, что он убит. И опять-таки он не испытывает никакого страха. Чувства его уже мертвы. И только сознание в наиболее возбужденном своем участке продолжало оказывать сильное сопротивление смерти. Подобные нюансы психологических процессов волновали писательское воображение и раньше.

Ко времени написания данного цикла произведений романтик не был знаком с психологической новеллой американца Амброза Бирса, которого в особенности привлекали трудно постижимые явления человеческой психики и, в частности, эффект раздвоения, Грин вполне самостоятельно осваивал “тонкий лед” живой души и в отличие от Бирса, извлекавшего отовсюду экстракт “ужаса”, он не озабочен подобными дополнительными извлечениями. Эстетически исследуя явление, писатель стремится проникнуть в его суть, художественно познать его, отыскать причины и, таким образом, снять с него ореол “непостижимости” и мистики. Феномены психики, по Грину, вполне объяснимы и не имеют ничего общего с иррациональным.

Психологические этюды были для него творческими экзерсисами, в которых отрабатывалось и совершенствовалось тонкое психологическое мастерство автора. Не случайно “один психиатр, прочитав рассказ “Канат”, спросил у писателя, был ли он или кто-либо из его близких в психиатрической больнице. Грин ответил отрицательно. Но врач не поверил: он считал, что просто невозможно с такой силой и точностью передать тончайшие оттенки поведения и “мыслей” сумасшедшего” [4, с.18].

К такому мастерству писатель приходит через активное познание человека как в творчестве, в самом себе, так и в реальности. Грин постоянно пребывал в таком состоянии, точно всегда прислушивался и присматривался к окружающим его людям и обстоятельствам. Это в значительной мере объяснялось замкнутостью его натуры, которая скорее поглощала, впитывала в себя, нежели отдавала.

Выводы.

В раннем психологизме Грина мы очерчиваем лишь те моменты, которые связаны не столько с психи-

ческой нормой, сколько с отступлениями от нее. Это позволяет увидеть в молодом авторе смелого аналитика, художника, активно стремящегося к познанию «тонкого льда» живой человеческой души, т.е. во всех ее сложностях, тайнах и загадках. Вместе с тем он не впадает в мистику. Феномены психики, по Грину, вполне объяснимы и не имеют ничего общего с иррациональным. Основным приемом, которым пользовался в военных новеллах Грин, был прием психологического повествования от третьего лица. В других новеллах романтического плана писатель уже тогда применял три формы психологического анализа: прямую, косвенную и вербальную. Каждая из них впоследствии станет у Грина отточенной до совершенства.

Источники и литература

1. Войтоловский Л. Н. Литературные силуэты: А. С. Грин // Киевская мысль. – 1910. – № 172. – 24 июня.
2. Вольпе Ц. Об авантюрно-психологических новеллах А. Грина // А. Грин. Рассказы. – Л., 1935. – С. 5–22.
3. Грин А. С. Собр. соч. В 6 т. – М.: Правда, 1965. – Т. 1–6.
4. Грин А. С. Джесси и Моргана: Повесть, новеллы, роман. – Л.: Лениздат, 1966. – 507 с.
5. Ковский В. Е. Романтический мир Александра Грина. – М.: Наука, 1969. – 296 с.
6. Михайлова Л. Александр Грин: Жизнь, личность, творчество. – М.: Худож. лит., 1972. – 192 с.
7. Самойлова В. Д. Некоторые особенности творчества А. С. Грина // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-т. – 1963. – т. 116. – Литература. – Вып. 4. – С. 103–114.
8. Фрид Я. В. Грин А. Гладиаторы. – М., 1925 // Новый мир. – 1926. – № 1 – С. 187–188.

Горбань О.В.

ФІЛОСОФСЬКА ПАРАДИГМА ЕКОЛОГІЧНОЇ ОСВІТИ

В філософії поняття “освіта” використовується в значенні загального духовного процесу формування людини та результату цього процесу - духовного образу людини. Екологічна освіта, будучи частиною та водночас стержнем сучасної освіти, представляє собою певний напрямок педагогічного процесу, спрямований на формування світоглядної парадигми людини щодо необхідності досягнення суспільством стадії коеволюції з біосферою. На сьогодні можна стверджувати, що в основі екологічної освіти лежить філософська парадигма, а саме певні базові світоглядні філософські поняття та принципи, спираючись на які відбувається еколого-освітній процес.

Аналізуючи сучасну філософську та педагогічну літературу можна стверджувати, що, маючи в основі філософську парадигму, екологічна освіта ґрунтується на певному сценарії її здійснення. Він представляє собою комплексність заходів, спрямованих на реалізацію стратегії подальшого розвитку суспільства на принципах сталості. Філософія цього принципу в тому, що, не відкидаючи розвитку в цілому, пропонується його стабілізація за рахунок порівняно м'яких механізмів, збереження біорізноманіття, перехід біосфери в квазісталій стан, де людина знаходить свою нішу і відбувається її коадаптація з біосферою. Тобто мова йде про новий виток антропогенезу, що якісно відрізняється від попередньої історії людства. Цей шлях зажадає нових знань, вироблення з їх допомогою нових парадигм існування і колективної волі для їхньої реалізації. Тому, значна роль у цьому сценарії, на думку академіка Моїсеєва М.М., приділяється так званій “Системі Вчитель”. На думку автора, ця “Система” являє собою механізм передачі знань від покоління до покоління, що формує світоглядні основи суспільства і створює передумови для його діяльності [1]. Цей об'єктивний процес здійснюється стихійно, а завдання полягає в тому, щоб його об'єктивну міць хоча б частково використовувати для руху суспільства в потрібному напрямку. В умовах кризи необхідна гранична напруга творчого генія людства. Тому необхідно максимально розкрячати особистість, створити можливість для розкриття творчого потенціалу кожної людини. Таким чином, уся система освіти в цілому є найважливішою частиною надії людства на виживання.

Ідея М.М. Моїсеєва про удосконалення “Системи Вчитель” є основною при розгляді окремих частин аналізованого сценарію сталого розвитку. Вони носять характер складових елементів філософсько-гуманістичного сценарію становлення екологічної освіти. Відштовхуючись від ідеї М.М. Моїсеєва про “Систему Вчитель”, цей сценарій представлений закінченою системою поглядів на пріоритети, мету, методи і форми досягнення сталості суспільства. Ці погляди представлені ідеями вітчизняних вчених Е.В. Гірусова [2], В.І. Данилова-Данильїна, М.І. Дробнохода [3], М.М. Кисельова [4], В.О. Коптюга, В.С. Крисаченка [5], А.Д. Урсула [6], Г.А. Ягодіна [7]. Загальновизнаним для всіх названих дослідників постулатом виступає необхідність вироблення комплексної стратегії виживання людства. Стратегія повинна стосуватися всіх сфер життя людей. У її рамках доведеться змінити всю систему суспільних і міждержавних відносин, шкалу цінностей. Реалізацією цієї стратегії покликаний стати сталий розвиток.

У своїй масі ці частини носять різнобічну спрямованість, у ході якої виділяються різні аспекти освітньої, еколого-педагогічної діяльності. У рамках аналізованого сценарію виділяються валеологічний проєкт, еколого-освітній проєкт, проєкт випереджувачої освіти і проєкт виховання в людині парадигми неруйнівної поведінки.

Валеологічна частина представлена новим науковим філософсько-педагогічним напрямком – валеологією (наукою про здоров'я), основи якої розроблені в працях відомих вітчизняних філософів, психологів і педагогів М.М. Амосова, І.І. Брехмана, М.О. Бердяєва, Л.С. Виготського, П.Я. Гальперіна, І.С. Кона, Є.М. Кудрявцева, Д.Ж. Марковича, П.Д. Тищенко, О.О. Ухтомського. Завдання проєкту: шляхом синтезу даних на стику педагогіки і медицини, філософії і психології, етики й естетики, науки і мистецтва виключити